

ЭСТЕТИКА ЭКРАНИЗАЦИИ: УТОПИЯ И АНТИУТОПИЯ В КНИГЕ И НА ЭКРАНЕ

Материалы
научно-практической конференции
9–10 апреля 2015 года

Москва 2016

**Сборник статей
Валерий Ильич Мильдон
Эстетика экранизации: утопия
и антиутопия в книге и на
экране. Материалы научно-
практической конференции
9–10 апреля 2015 года**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34328745
Утопия и антиутопия в книге и на экране. Материалы научно-
практической конференции.: ВГИК; Москва; 2016
ISBN 978-5-87149-197-3*

Аннотация

В сборнике представлены материалы VII общероссийской научной конференции по эстетике экранизации «Утопия и антиутопия в литературе и кино», которая проводилась кафедрой эстетики, истории и теории культуры ВГИКа 9-10 апреля 2015 года. Ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Нижнего Новгорода рассмотрели многообразные проблемы утопического и антиутопического миров в произведениях литературы (Г. Уэллс, Е. Замятин, О. Хаксли, Д. Оруэлл, Э. Берджес, А.

Кубин) и кино (Ф. Ланг, С. Кубрик, И. Шааф, К. Лопушанский, Л. фон Триер). Книга может привлечь внимание тех, кто изучает вопросы истории, эстетики и теории кино и литературы, а также интересуется состоянием отечественного и мирового кинематографа. Все доклады публикуются в редакции авторов, расположенных в алфавитном порядке.

Содержание

Эксперимент по созданию генетически «нового человека»: между утопией и антиутопией	6
Экран — приглашение в утопию	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Утопия и антиутопия в книге и на экране.

Материалы научно- практической конференции

Всероссийский государственный институт кинематографии имени С.А. Герасимова

Эстетика экранизации: утопия и антиутопия в книге и на экране.

Материалы научно-практической конференции 9-10 апреля 2015 года

Составитель и редактор: доктор филологических наук, профессор кафедры эстетики, истории и теории культуры ВГИКа Мильдон В.И.

Эксперимент по созданию генетически «нового человека»: между утопией и антиутопией

Бугаева Л.Д., Санкт-Петербург, Санкт-Петербургский государственный университет

Начало XX века – это время интенсивного развития новых технологий и не менее интенсивное построение утопических моделей будущего. В утопической литературе этого периода на первый план, однако, выдвигаются не проблемы технического развития, но проблемы биологии, считавшейся тогда царицей наук: получает развитие тема евгеники, биологического моделирования человека, в литературе берущая начало в «Утопии» Томаса Мора и «Республике» Платона, а в науке оформившаяся как учение в 1860-е гг. в работах Фрэнсиса Гальтона¹. Впрочем, обсуждение проблем человеческой селекции оказывается тесно связанным с обсуждением эволюционных теорий человека и общества в целом. Именно конкурирующие теории эволюции становятся центральными в дискуссиях о стратегии общественного

¹ В работе «Наследственный гений» («Hereditary genius», 1869) Гальтон после тщательного изучения генеалогии знаменитых людей приходит к выводу, что гениальность передается по наследству.

развития. Эволюционных теорий, циркулирующих в обществе и актуальных для культурно-художественных интерпретаций, собственно говоря, четыре: социал-дарвинизм (Спенсер, Гальтон), «творческая эволюция» (Ламарк), «этическая эволюция» (Гекели), кооперативная эволюция (Кропоткин).

В основе биологической социологии Герберта Спенсера лежит сравнение общества с живым организмом. Спенсер утверждает, что общественная организация – костяк этого организма, а национальное сознание – его жизнь². Тогда общество есть высшая форма развития природных организмов, в свою очередь претерпевающая эволюцию. «Творческая эволюция», по Ламарку, – это совершенствование организма в результате «упражнения органов», то есть реакции организма на внешние раздражители. Все живое, по Ламарку, стремится к совершенствованию, это стремление и есть двигатель эволюционного процесса. «Этическая эволюция» Томаса Генри Гекели (его часто называли «бульдогом Дарвина») – ответ Мальтусу и описанной им ловушке, в которую попадает человечество по мере своего роста. По мнению Гекели, в случае борьбы людей за существование, в отличие от борьбы конкурирующих между собой животных, имеет место «этический процесс», конечным этапом которого является не выживание наиболее приспособленных, но приспособление для выживания как можно большего числа людей и

² *Spencer Herbert. Social Statics, or the Conditions Essential to Human Happiness Specified, and the First of them Developed.* – Kessinger Publishing, 2013. P. 264.

выживание более достойных, с точки зрения этики³. «Кооперативная эволюция» Петра Кропоткина – развитие проглядывающей в учении Гекели идеи кооперации людей в «этическом процессе», так называемой «Взаимной Помощи»⁴.

Эволюционные идеи и утопические модели построения общества получили особое развитие в творчестве Герберта Джорджа Уэллса, доктора биологии, закончившего Кингс-колледж Лондонского университета – тот самый, где ранее преподавал Дарвин, а во время учебы Уэллса – Гекели, который и сыграл решающую роль в формировании взглядов будущего писателя на эволюцию и евгенику. По словам Уэллса, «год, который он провел, слушая лекции Гекели, стал для него самым важным в плане образования годом жизни» («that year I spent in Huxley's class was, beyond all question, the most educational year of my life»⁵). В начале XX века Уэллс – фабианский социалист⁶ и, как многие фабианцы, включая Джорджа Бернарда Шоу, – член созданного в Лондоне в 1907 году Евгенического образовательного общества, позднее преобразованного в Евгеническое общество и известного в настоящее время как Институт Гальтона. Уэллс

³ Huxley Thomas H. Evolution and Ethics and Other Essays // Project Gutenberg [Электронный ресурс] <http://www.gutenberg.org/cache/epub/2940/pg2940.html>

⁴ См. *Кропоткин Петр*. Взаимопомощь как фактор эволюции. Москва: Редакция журнала «Самообразование», 2007.

⁵ Wells H. G. Experiment in Autobiography: Discoveries and Conclusions of a Very Ordinary Brain (since 1866). New York: Macmillan, 1934. P. 161

⁶ Уэллс состоял в обществе фабианских социалистов в 1903–1909 гг.

– сторонник в основном негативной евгеники, то есть, контроля за рождаемостью и ограничения рождаемости генетически неполноценных людей: возможность улучшения человеческой породы он связывает не с селекцией брачных партнеров, а с принудительной стерилизацией «неудачных» экземпляров⁷. Тем не менее, в поле зрения писателя попадает и позитивная евгеника: человеческая селекция, создание «сверхчеловека». Во второй половине XX – начале XXI века поднятые Уэллсом темы – эксперимент по созданию «нового человека», сословная структура общества, в основе которой лежит биологический фактор, – становятся предметом рефлексии кинематографа. Ключевыми в этом плане являются «Остров доктора Моро» (*The Island of Doctor Moreau*, 1896) и «Современная утопия» (*A Modern Utopia*, 1905), хо-

⁷ Wells H. G. Discussion. Galton, Francis. Eugenics: Its Definition, Scope, and Aims // The American Journal of Sociology. 1904. Volume X. Number 1. [Электронный ресурс] <http://galton.org/essays/1900-1911/galton-1904-a-m-journ-soc-eugenics-scope-aims.htm>. В «Прозрениях» (1902) Уэллс высказывается еще более радикально: лидеры нового государства «поощряют воспроизводство всего здорового, функционального и прекрасного в человеке – прекрасного и сильного тела, ясного и мощного разума, растущего знания – и ограничивают воспроизводство тупого и рабского, пугливых и трусливых душ, всего низкого, неприятного и звериного в душах, телах и привычках людей» («favour the procreation of what is fine and efficient and beautiful in humanity – beautiful and strong bodies, clear and powerful minds and a growing body of knowledge – and to check the procreation of base and servile types, of fear-driven and cowardly souls, of all that is mean and ugly and bestial in the souls, bodies, or habits of men. To do the latter is to do the former; the two things are inseparable»). – Wells, H. G. *Anticipations of the Reaction of Mechanical and Scientific Progress Upon Human Life and Thought*. – Mineola, NY: Dover Publications, 1999. P. 167).

тя темы моделирования человека, эволюции живых организмов (человека, насекомых и т. п.), вырождения человеческой расы присутствуют и в других произведениях Уэллса.

«Остров доктора Моро» (1896) – фантастический антиутопический роман, проигрывающий темы трансплантации органов и вивисекции для «улучшения» человека – вышел в самый разгар протестного движения против вивисекции. В это время активно действует американское общество против вивисекции (AAVS), созданное в 1883 году, и закладываются основы Британского союза за отмену вивисекции (BUAV)⁸. Уэллс, выступавший адвокатом евгенической программы изменения человека, – противник вивисекции. В романе «Остров доктора Моро» рассказчик, Эдвард Прендик, сталкивается с результатом «человекообразовательного» процесса – животными, «которым нож придал новые формы». Отталкиваясь от предположения, что «главное различие между человеком и обезьяной заключается в строе гортани, в неспособности тонкого разграничения звуков – символов понятий, при помощи которых выражается мысль», то есть, сводя различие между человеком и животным исключительно к физиологии, Моро экспериментирует с возможностями бога-создателя. Его задача – изменить

⁸ Британский союз за отмену вивисекции будет создан через два года после выхода романа – в 1898 году. Добавим, что в Великобритании в 1903–1910 гг. развернется общественная дискуссия, получившая известность как «дело о коричневой собаке», поводом для которой послужила демонстрация вивисекции в Лондонском университете профессором Бэйлиссом.

«формы мозга», то есть, улучшить умственное развитие, и единственное, что ему пока не удастся определить, – «нечто лежащее в самой основе эмоций». В романе, что не удивительно, если учитывать отношение Уэллса к вивисекции, эксперимент не удался, и зверолоды после убийства доктора стремительно регрессируют.

Киновersionи варьируют детали сюжета, следуя его главной линии – неудаче эксперимента по переделке человека, однако пафос общественного движения против вивисекции нередко оказывается утраченным. Доктор Моро из одержимого идеей воспроизведения «человекообразовательного» процесса, каким он предстает в романе, трансформируется в дьявольски жестокого экспериментатора (*Iled'Epouvantel* / *The Island of Terror* / «Остров ужаса», 1911–1913, Франция, реж. Joë Hamman; *Island of Lost Souls* / «Остров потерянных душ», 1932, США, реж. Erie C. Kenton; *The Twilight People* / «Сумеречные люди», 1972, США, Филиппины, реж. Edgar Sinco Romero) или сумасшедшего ученого (*The Island of Dr. Moreau*, 1996, США, реж. Richard Stanley, Ron Hutchinson). Экранизации 1977 и 1996 годов вносят существенные изменения в сюжетную линию основанного на евгенике «человекообразования». Моро, стремясь создать более совершенное существо, не способное причинять зло, экспериментирует с ДНК человека, а чтобы сдержать механизм регрессии зверо-людей в прежнее звериное состояние, использует специальные препараты. Теряет принципиальное зна-

чение направленность процесса трансформации – от зверя к человеку или от человека к зверю; доктор Моро готов также вводить человеку гены животных (*The Island of Dr. Moreau*, 1977, США, реж. Don Taylor). Экранизации добавляют любовную линию – отношения между женщиной-пантерой и попадающим на остров героем, межвидовые отношения получают все большее развитие на экране. Если в «Острове потерянных душ» любовная история заканчивается обнаружением (Richard Arlen) нечеловеческой природы женщины-пантеры (Kathleen B. Burke), ее смертью и возвращением Эдварда к своей «человеческой» возлюбленной, то уже в «Острове доктора Моро» 1977 г. Брэддок (Michael York) не только влюбляется в человека-зверя Марию (Barbara Carrera), но и покидает остров вместе с ней. Впрочем, их дальнейшая судьба остается неизвестной: удаляясь от острова, Брэддок возвращается к прежнему облику, что закономерно предполагает возвращение Марии в животное состояние, вынесенное, однако, за рамки фильма.

Отсылающее к истории Фауста и Франкенштейна стремление доктора Моро к познанию и всевластию бога-творца в большинстве экранизаций затемняется, а знаменитая фраза из версии 1932 года «А Вы знаете, каково это – чувствовать себя Богом?» ("Do you know what it means to feel like God?") в последующих версиях не повторяется, хотя в экранизации 1996 года Моро (Marlon Brando) и предстает по отношению к своим созданиям в роли бога-отца. Моро в интерпретации

Брандо хочет создать сверхрасу, превратив «животных в людей, а людей – в богов», но это желание дискредитируется как очевидным безумием доктора, так и применяемыми садистскими методами. Доктору не удастся закрепить в зверолюдях человеческие признаки и усовершенствовать их организм при помощи «упражнения органов» (передвижения на двух ногах, вегетарианского питания, развития речи и т. п.) и реакции на боль; ламарковская «творческая эволюция» в романе и его киноверсиях проваливается.

Начатое в «Острове доктора Моро» исследование возможностей эволюции человека продолжают фильмы, не являющиеся киноверсиями романа, но находящиеся с ним в диалогических отношениях. Хотя в произведениях Уэлса не может быть и речи о генетической инженерии, так как роль ДНК в передаче наследственной информации будет определена только в середине XX века, все же именно «Остров доктора Моро» стоит у истоков сюжетной линии генетического моделирования в кинематографе.

На смену основанному на вивисекции «человекообразованию» пришло создание симбиотического организма. Тем не менее, можно говорить о наличии матрицы, в которую входит создание симбионта, план «спасения» человечества, установка на бесконфликтное общество, попытка творческой эволюции, насильственные методы реализации «генерального плана», неизбежный регресс или смерть симбионта. Данную матрицу реализуют фантастические фильмы о

вторжении инопланетян и захвате человеческих тел (*The Puppet Masters*/ «Кукловоды», США, 1994, реж. Stuart Orme; *Invasion*/ «Вторжение», США, 2007, реж. Оливер Хиршби-гель). Вторжение имеет своей целью «улучшение» человека в результате изменения его видовых свойств и создание более совершенного бесконфликтного мира, населенного «улучшенными» человеческими особями. При этом фигура бога-создателя, автора плана эволюционной программы, отсутствует или не является актуальной. Управляемый «кукловодом» («Кукловоды») или лишенный эмоций симбионт («Вторжение») более спокоен и счастлив, чем до своей трансформации; тем не менее, отрицательный ответ на вопрос о возможности подобной эволюции, как правило, предзадан.

Фильмы, реализующие матричную структуру «Острова доктора Моро», передают и антиутопический вектор представленной в романе эволюционной программы. «Этической революции» в мире симбионтов не происходит. Отсутствие эмоций, пассивность и бесконфликтность не ведут к светлому будущему: симбионты не являются высшей расой, в отсутствие «этической революции» они были и остаются рабами паразитирующего чужеродного организма.

«Современная утопия», представившая картину будущего идеального общества, как и «Остров доктора Моро», обращена к теме биологического моделирования человека и в ходе философско-художественной рефлексии как бы очер-

чивает границы возможных экспериментов по устройству общества на основе биомоделирования. Ориентация Уэллса на «Государство» Платона (360 г. до н. э.) очевидна и заявлена самим писателем, который считает две книги обязательными для каждого – Библию и «Государство» («If I were asked to name any specific books that everyone should read I doubt that I should name any but the Gospels and Plato's 'Republic'»⁹).

Идеальное государство Платона предполагает деление населения на три класса: ремесленники (сюда входят собственно ремесленники, крестьяне и другие низшие слои населения), стражи (воины, аристократы) и правители (философы). Идеи селекции партнеров для произведения потомства приложимы только к сословиям стражей и правителей, они и есть основа идеального государства: «Лучшие мужчины должны большей частью соединяться с лучшими женщинами, а худшие, напротив, с самыми худшими», «потомство лучших мужчин и женщин следует воспитывать, а потомство худших – нет, раз наше небольшое стадо должно быть самым отборным».

Человеческая селекция аналогична селекции животных – собак, лошадей и т. п. При этом дети немедленно отделяются

⁹ Wells H. G. The Ten Most Important Things in the World // John O' London's Weekly. – 1923, 26 May. – P. 210. О влиянии Платона на утопические представления Уэллса существует обширная литература. См., в частности: James, Simon J. Maps of Utopia: H. G. Wells, Modernity and the End of Culture. – Oxford: Oxford University Press, 2012.

от своих родителей и поступают в распоряжение специальных должностных лиц: «Взяв младенцев, родившихся от хороших родителей, эти лица отнесут их в ясли к кормилицам, живущим отдельно в какой-нибудь части города. А младенцев, родившихся от худших родителей или хотя бы от обладающих телесными недостатками, они укроют, как положено, в недоступном, тайном месте».

Детородный возраст в сословии стражей – 20–40 лет для женщин и 25–55 для мужчин. Мужчинам и женщинам, не вписывающимся в установленные законом возрастные рамки, будет дана возможность «свободно сходиться с кем угодно» (за исключением родственников по прямой линии), но «они должны особенно стараться, чтобы ни один зародыш не вышел на свет, а если уж они будут вынуждены к этому обстоятельствами и ребенок родится, пусть распорядятся с ним так, чтобы его не пришлось выращивать»¹⁰. «Недоступное, тайное место» здесь, конечно, эвфемизм, за которым стоит инфантицид, в платоновской модели государства неизбежный, в том числе, и в силу фиксированной численности населения полиса (8 000)¹¹.

Евгеническая программа в «Современной утопии» во многом сходна с платоновской – столь же радикальна и праг-

¹⁰ Платон. Государство. / Пер. с древнегреч. А.Н. Егунова. – СПб, Наука, 2005. – Книга V, 359e, 460c, 461c. [Электронный ресурс] <http://psylib.org.ua/books/plato01/26gos05.htm>

¹¹ Roper, Allen G. Ancient Eugenics. – Oxford: B. H. Blackwell, 1913. P. 43–44.

матически безжалостна. Ко времени написания «Современной утопии» Уэллс разочаровался в ламаркизме и в возможности «творческой эволюции». Как и Гекели, он теперь выступает за моральное (этическое) совершенствование человека при помощи образования, которое носит в первую очередь морально-воспитательный характер¹². Так как в человеческом обществе «этический процесс» доминирует (или должен доминировать) над характерной для мира животных борьбой за выживание, то закономерен вывод о необходимости законов о браке, ограничения и регулирования деторождения с «этических» позиций. В брак разрешается вступать только после достижения мужчиной и женщиной определенного возраста, а несколько детей могут иметь только совершенно здоровые люди с доходом, превышающим минимальный заработок. Платоновское «принудительное спаривание» специально отобранных для улучшения расы индивидуумов считается нелепостью, однако государство вправе требовать, «чтобы лица, которые поручают обществу своих детей, являющихся для этой общины тяжкой ношей, представляли собою известную минимальную действующую силу, то есть занимали бы обеспеченное положение, чтобы они были не моложе известного возраста, отличались бы минимальным установленным физическим развитием и не

¹² О влиянии взглядов Т. Гекели на Г. Уэллса см.: Partington, John S. The Death of the Stasi c: H.G. Wells and the Kinetic Utopia // Utopian Studies. -2000. – No. 11. 2. P. 96.

страдали бы недугами, которые передаются потомству», и не являлись преступниками. Родившиеся калеками, идиоты, сумасшедшие и пьяницы представляют собой «вымирающее поколение»; их не уничтожают, но лишают возможности иметь потомство. Убивают же «всех уродливых вырождаков, только что родившихся младенцев с зародышами опасных для общества болезней, с неправильным развитием, с чудовищными отклонениями от нормального типа».

Для Уэллса ограничение деторождения или запрет на него среди определенных слоев населения – один из вариантов конкуренции видов: «Вместо того чтобы соперничать между собой в более или менее ловком спасении от смерти и страданий, мы можем соперничать на поприще права давать жизнь, а побежденным будет выдаваться какое угодно вознаграждение»¹³. В 1929 году Уэллс допустит использование «камер смерти» для очищения человеческого вида от нежелательных генетических признаков¹⁴.

У Платона высшей «расой» являются мудрые правители-философы (результат селекции партнеров из числа стражей и длительного периода обучения и подготовки). Правители и стражи как высшие слои общества противопоставлены низшим – ремесленникам и земледельцам, основная мис-

¹³ Уэллс Г. Современная утопия / Пер. с англ. В. Зиновьева. М., Книжный Клуб Книговек; СПб, Северо-Запад, 2010. С. 164–165, 124, 161–162.

¹⁴ Wells H. G.; Huxley Julian, and G.P. Wells. The Science of Life: A Summary of Contemporary Knowledge about Life and its Possibilities. In 3 volumes.-London, 1930. P. 328.

сия которых – жизнеобеспечение Государства.

В Утопии Уэллса население также подразделяется на группы, или касты. Уэллс различает четыре типа ума и, соответственно, четыре группы людей: «созидатели» – интеллектуалы, творческие личности, обладающие поэтическим складом ума – артистическим или ученым (*Poietic*); «кине-тики», способные и деятельные люди, хорошие организаторы – преподаватели, артисты, проповедники и т. п. (*Kinetic*); «глупцы», лишенные адекватного мышления и воображения (*Dull*) и «низшие», обладатели пошлого ума, асоциальные, лишенные морального чувства (*Base*). Границы между группами подвижные, допускающие переход из одной группы в другую. Однако, как и в Государстве Платона, правителем Утопии – «самураем» в терминологии Уэллса – может стать только представитель высших каст («созидатель», или «кинетик»). Жизнь самураев, как и жизнь платоновских правителей-философов, подчинена строгим правилам и предполагает ряд ограничений (отказ от алкоголя, курения, азартных игр и т. п.) и обязательств (в т. ч., регулярное чтение новых книг). Именно самураи осуществляют «социальную хирургию»: ограничивают деторождение в определенных группах населения, уничтожают «выродков».

Матричная структура, заложенная утопией Уэллса и Государством Платона, сложнее, чем заданная «Островом доктора Моро», и предполагает биомоделирование человека, в т. ч. направленную селекцию, деление людей на «выс-

ших» и «низших» (гений / обыкновенный человек), кастовую структуру общества (деление на фракции), правление «высших» (у Платона это философы, у Уэллса – самураи), обладающих наиболее полным знанием о мире, и кинетический характер утопического общества, предполагающий возможность изменения, не характерный для утопии как жанра.

Актуализируя те или иные составляющие платоновско-уэллсовской матрицы утопии, кинематограф воплощает тот или иной вариант эволюции – эволюцию биологическую, творческую, этическую или кооперативную. При этом оценка вектора эволюционного процесса существенно варьируется, далеко не всегда являясь негативной.

По следам романов «Современная утопия» и «Люди как боги» (*Men Like Gods*, 1923) Уэллса и в споре с его концепцией общества будущего был написан антиутопический роман Олдоса Хаксли «О дивный новый мир» (*Brave New World*, 1932). Во время работы над книгой Хаксли (внук Томаса Генри Гекели, у которого учился Уэллс) признавался, что пишет роман "on the horror of the Wellsian utopia and a revolt against it"¹⁵. Биомоделирование человека и построение общества на основе евгеники – центральная тема романа и его телеверсий (1980, реж. Burt Brinckerhoff, NBC; 1998, реж. Leslie Libman, Larry Williams, NBC). Так, фильм 1998

¹⁵ *Huxley, Aldous*. Letter to Mrs. Kethevan Roberts. 18 May 1931 // *Huxley, Aldous*. Letters of Aldous Huxley / ed. by Grover Smith. New York and Evanston: Harper & Row, 1969, p. 348.

года, как и роман, начинается с объяснения генетического программирования и системы размножения, причем в фильме речь идет о генетической инженерии, об искусственном оплодотворении яйцеклетки вне организма и последующем почковании яйца, из которого можно получить до 96 почек, в каждой из которых может развиваться зародыш человека:

«Так начинается наша жизнь... Выбираются идеально подходящие мужские и женские ДНК. Яйцеклетка оплодотворяется, ДНК соединяется... и начинает расти ребенок. Но до Войны мужчины и женщины сами подбирали себе партнера. Это было опасно. Случиться ведь могло что угодно. Дети принадлежали им... как вещи. Они не ценили свободу, как мы теперь. Это называлось семья. С тех пор многое изменилось. «У нас нет преступности, болезней, войн, старости и страдания». «Каждый человек генетически спроектирован и идеально играет свою роль в обществе, поэтому все счастливы» [...] «Я только не понимаю, как детей раньше декантировали». А этого и не было. Они рождались. Мужчины с женщинами занимались сексом, женщины беременели и рожали. «Что, как животные?» Знаю, в это трудно поверить. Это был болезненный, опасный и унижительный процесс. «Значит, они боялись заниматься сексом?» Иногда, если мужчина с женщиной хотели детей, они женились и потом занимались сексом только друг с другом. «Как долго?» всю жизнь. «Значит, они были матерями и отцами?»¹⁶ («This

¹⁶ Brave New World (1998). Movie Script. [Электронный ресурс] <http://>

is how life begins... For all of us. The male and female DNA are matched to make sure everything comes out just right...The egg is fertilized; the DNA are combined...and the baby starts to grow. Before the Wars...men and women would match their own DNA. Then...anything could happen. That was very dangerous. Children belonged to them...like objects.

They did not value freedom like we do today. It was called 'Family' We've come a long way since then. "Today we have no crime...no disease, no war, aging, or suffering". "Each of us is genetically designed...to fit perfectly into our place in society". "So everyone's happy". Very nice. Good job, Gabriel. I do not understand. How were children decanted in the old days? The children were not decanted. They were born. After a woman and a man had sex...the woman would get pregnant and then give birth. Like animals? It's hard to believe. It was a very painful, dangerous and degrading experience. So. Were they afraid to have sex? Sometimes. If a man and a woman wanted to have babies...They would get married. And then they were supposed to have sex with each other. For how long? Their whole lives. You mean they were 'Mothers' and 'Fathers'?»)

Общество не просто делится на касты (альфа, бета, гамма, дельта, эpsilon) – оно делится на касты, которые объединяются в два класса: высших (альфа и бета) и низших (гамма, дельта и эpsilon). Различие высших и низших начинается еще в инкубаторе, где оплодотворенные яйца, из которых

позднее разовьются альфы и беты, остаются до своего логического конца, а гаммы, дельты и эпсилонеры через тридцать шесть часов снова подвергаются обработке и дальнейшему почкованию. Естественно, что все руководство – это интеллектуалы альфа-плюс, представляющие собой аналог философов Платона и самураев Уэллса.

Проведенный в островном пространстве эксперимент по созданию государства, населенного исключительно альфами, о котором становится известно в ретроспективном повествовании, продемонстрировал несостоятельность идеи бессловесного общества и необходимость кастовых различий: обеспеченные всем необходимым, альфы оказались неспособны к распределению труда, в результате гражданских войн большая часть альф погибла, а оставшиеся в живых попросили о возвращении в прежнюю кастовую структуру. Общественная справедливость в Мировом Государстве, как и в Государстве Платона, заключается в повиновении низших руководству высших, в отсутствии стремления занять несвойственное и непредназначенное место.

В фильме 1998 года Ленайна, отказываясь от официальной версии истории, изложенной в едином школьном учебнике, объясняет ученикам, что древние греки «поклонялись людям действия, жертвовавшим собой, они называли их героями. Но цивилизация развивалась, и роль героев становилась все менее важной. Сейчас мы знаем, что героизм был всего лишь антисоциальным поведением, необходимым

в старом несовершенном мире..., потому что герои изменяют вещи. А мы не должны хотеть изменений. Герои доказывают, что один человек может все изменить» («worshipped men of sacrifice and action, whom they called heroes. As Civilization progressed, the world of heroes became more and more irrelevant. Now we know that heroism is really antisocial behavior but necessary in the old and imperfect world because heroes change things. We're not supposed to want anything to change. Heroes mean that one person can make a difference»). Новому миру, девиз которого «Общность, одинаковость, стабильность», противопоставляется нестабильный мир героев-деятелей.

Роман и его экранизации создают негативный образ и социалистического, и технократического общества, поощряющего консюмеризм¹⁷. Хаксли ставит под сомнение и «этическую эволюцию», адвокатом которой выступал Уэллс, и «творческую эволюцию» по Ламарку, сатирически изображая методы выработки нужных типов поведения¹⁸. Симпатии писателя находятся на стороне кооперативной эволюции по Кропоткину, о чем он и заявляет в предисловии:

¹⁷ В Государстве практикуется выработка «инстинктивного» отвращения к природе в сочетании с внедрением любви к загородным видам спорта, что призвано способствовать загрузке не только транспорта (в случае любви к природе люди стремились бы на выходные уехать за город, а не ходить по магазинам), но и фабрик, производящих спортивный инвентарь.

¹⁸ Например, при помощи электрошока вырабатывается отвращение к цветам и книгам у детей ползункового возраста.

«Если бы я стал сейчас переписывать книгу, то предложил бы Дикарю третий вариант. Между утопической и первобытной крайностями легла бы у меня возможность здравого смысла – возможность, отчасти уже осуществленная в сообществе изгнанников и беглецов из Дивного нового мира, живущих в пределах Резервации. В этом сообществе экономика велась бы в духе децентрализма и Генри Джорджа, политика – в духе Кропоткина и кооперативизма. Наука и техника применялись бы по принципу “суббота для человека, а не человек для субботы”, то есть приспособлялись бы к человеку, а не приспособляли и порабощали его (как в нынешнем мире, а тем более в Дивном новом мире)»¹⁹(«If I were now to rewrite the book, I would offer the Savage a third alternative. Between the utopian and the primitive horns of his dilemma would lie the possibility of sanity – a possibility already actualized in some extent, in a community of exiles and refugees from the Brave New World, living within the borders of the Reservation. In this community economics would be decentralist and Henry-Georgian, politics Kropotkinesque co-operative. Science and technology would be used as though, like the Sabbath, they had been made for man, not (as at present and still more so in the Brave New World) as though man were to be adapted and enslaved to them)»²⁰.

¹⁹ *Хаксли Олдос. О дивный новый мир. Санкт-Петербург: Азбука-Классика, 2005. С. 7.*

²⁰ *Huxley, Aldous. Brave New World. Reprint. – New York: Harper and Row, 1969*

Евгеническая программа и генетический детерминизм становятся основной темой в фильме «Гаттака» (*Gattaca*, 1997, США, реж. Andrew Niccol). Все люди в мире фильма делятся на два класса: «годные» (valid) и «негодные» (invalid), высшие и низшие. Так, Винсент (Ethan Hawke) – «негодный», рожденный без помощи генетической инженерии; его младший брат Антон – «годный», смоделированный на основе наиболее удачных генов родителей:

– Взятые у вас яйцеклетки, Мария, были оплодотворены спермой Антонио. Мы отсортировали двух здоровых мальчиков и двух девочек. Без предрасположенности к любым наследственным заболеваниям. Давайте выберем наиболее совместимого кандидата. Какой пол вы хотите?

– Мы хотели бы, чтобы у Винсента был брат, для игр.

– Вы выбрали карие глаза, темные волосы и... светлую кожу. Я ликвидировал все, что может нанести ущерб: преждевременная плешивость, алкоголизм, склонность к насилию, к тучности.

– Мы бы не хотели... Болезни – да, но... Мы хотели бы оставить что-нибудь и на волю случая.

– Дайте своему ребенку лучший старт. У нас достаточно встроенных изъянов. Ребенок не нуждается в дополнительных трудностях. Это часть вас. Просто – ваша лучшая часть. Вы могли зачать 1 000 раз и не получить такого результата. Вот так появился Антон. Сын, достойный имени моего от-

ца²¹.

– Your extracted eggs, Marie... have been fertilized with Antonio's sperm. After screening, we are left with two healthy boys... and two very healthy girls. Naturally, no critical predispositions to any major inheritable diseases. All that remains is to select the most compatible candidate. First, we let's decide on gender. Have you given it any thought?

– We would want Vincent to have a brother, you know... to play with.

– Of course. Hello, Vincent. You have specified hazel eyes, dark hair and fair skin. I've taken the liberty of eradicating any potentially prejudicial conditions. Premature baldness, myopia... alcoholism and addictive susceptibility... propensity for violence, obesity, etc.

– We didn't want. Diseases, yes, but... We were just wondering if it's good to leave a few things to chance?

– You want to give your child the best possible start. Believe me, we have enough imperfection built in already. Your child doesn't need any additional burdens. Keep in mind this child is still you. Simply the best of you. You could conceive naturally a thousand times and never get such a result²².

Заменяя свой материал «негодного» (частички кожи,

²¹ Гаттака. [Электронный ресурс] <http://vvord.ru/tekst-filma/Gattaka/>; Gattaca. Movie Script. [Электронный ресурс] http://www.springfieldspringfield.co.uk/movie_script.php?movie=gattaca.

²² Gattaca. Movie Script. [Электронный ресурс] http://www.springfieldspringfield.co.uk/movie_script.php?movie=gattaca.

кровь, мочу) на материал «годного» инвалида Джерома Юджина Морроу (Jude Law), Винсент проходит отбор в аэрокосмическую корпорацию Гаттака и готовится к полету на Титан. За историей самозванца и детективным сюжетом (расследованием убийства, совершенного в лаборатории корпорации) скрывается полемика с евгенической утопией Платона-Уэллса. Винсент в финале фильма превосходит генетически совершенных соперников. В «Гаттаке», как и в антиутопии Хаксли, поддерживается идея продуктивной случайности, или ошибки. Физическая недостаточность Бернарда Маркса (низкий рост) в романе «О дивный новый мир», равно как и его умственное превосходство над другими альфами, возможно, обусловлены сбоем в процессе биомоделирования (ошибочно влитым в кровезаменитель спиртом). Победа Винсента над братом-соперником и над обстоятельствами, открывшая путь в космос, также становится возможной благодаря его генетическому несовершенству: в отличие от «годного» брата, «негодному» Винсенту в трудных ситуациях всегда приходилось выкладываться до конца, не рассчитывая на возможность отступления. Параллелизм заключительных сцен – самоубийства Джерома, которое он называет путешествием, и отправления в полет Винсента – отменяет генетический детерминизм и уравнивает героев. Начало путешествия есть одновременно окончание переходного периода, в процессе которого происходит трансформация обоих героев – телесная и духовная. Джером говорит Винсенту: «Я

только одолжил тебе тело. Ты одолжил мне свою мечту».

Автором финальных слов фильма с равным успехом может быть каждый из них: «Для меня, которого не должно было существовать в этом мире, неожиданно оказалось тяжело покидать его. Говорят, каждый атом в наших телах когда-то был частью звезды. Может быть, я не уйду. Может, я возвращаюсь домой». "I only lent you my body. You lent me your dream". Автором финальных слов фильма с равным успехом может быть каждый из ННх: "For someone who was never meant for this world... I must confess I'm suddenly having a hard time leaving it. Of course, they say every atom in our bodies was once part of a star. Maybe I'm not leaving. Maybe I'm going home".

Разрушение концепции общества, построенного по модели Платона-Уэллса, и генетического детерминизма продолжается в дистопии «Остров» (*The Island*, 2005, реж. Michael Bay), где на первый план выходит тема клонирования: деление на высших и низших проходит по линии человек / клон. В островном пространстве, как и в Государстве Платона, допустимо манипулирование низшими: клоны не подозревают, что победители розыгрыша лотереи отправляются не на прекрасный Остров, а на смерть после изъятия органов, ради которых их и выращивали²³.

²³ В Государстве Платона «правителям потребуются у нас нередко прибегать ко лжи и обману – ради пользы тех, кто им подвластен». Так, например, допустимой считается подтасовка результатов жребия при выборе брачного партнера: «А жеребьевку надо, я думаю, подстроить как-нибудь так, чтобы при каж-

Но наиболее развернутую картину футуристического общества, в основе которого все та же платоновско-уэллсовская модель государства, дает трилогия о дивергентах молодой американской писательницы Вероники Рот и созданные на основе этой трилогии фильмы²⁴.

Постапокалиптическое общество, построенное на развалинах Чикаго, делится на пять фракций с говорящими названиями: Эрудиция (Erudite, the intelligent), Отречение, или Альтруизм (Abnegation, the selfless), Искренность, или Правдолюбие (Candor, the honest), Бесстрашие, или Лихость (Dauntless, the brave), Дружелюбие, или Товарищество (Amity, the peaceful). В основе деления – черты характера, которые определяют социальные функции каждой фракции.

В своих построениях Вероника Рот явно ориентируется на кастовую модель общества Платона и Уэллса. Для Платона структуры человеческой души и общества аналогичны. За делением на три сословия: философы (сословие воспи-

дом заключении брака человек из числа негодных винил бы во всем судьбу, а не правителей» (Платон. Государство / Пер. с древнегреч. А.Н. Егунова. СПб, Наука, 2005. Книга V. 459d, 460a. [Электронный ресурс] <http://psylib.org.ua/books/plato01/26gos05.htm>)

²⁴ В трилогию входят романы *Divergent* (2011, в рус. переводе: «Дивергент», «Избранная»), *Insurgent* (2012, в рус. переводе: «Инсургент», «Мятежная»), *Allegiant* (2013, в рус. переводе: «Аллигент», «Преданная»). На сегодняшний день экранизированы первые две части трилогии: «Дивергент» (2014, реж. Neil Burger); «Дивергент, глава 2: инсургент» (*The Divergent Series: Insurgent*, 2015, реж. Robert Schwentke); заключительный фильм трилогии выйдет в двух частях в 2016 и 2017 году (*The Divergent Series: Allegiant*, реж. Robert Schwentke; *The Divergent Series: Ascendant*).

тателей), стражи (сословие воинов), ремесленники и земледельцы (сословие кормильцев) – стоит тройственный характер душевной организации человека: разум (правители-философы), «яростный дух» (стражи) и вожделеющее начало, то есть низший вид души (ремесленники и земледельцы). Уэллс, как отмечалось выше, также различает разные типы ума (творческий, деятельный, глупый, пошлый) и соответствующие типам ума группы: интеллектуалы («созидатели»), деятельные люди («кинетики»), «глупцы» и «низшие». Собственно, «низшие» в модели Уэллса – это те асоциальные элементы, которые у Платона вытесняются за границы социума. В трилогии о дивергентах эрудиты аналогичны философам в Государстве Платона и созидателям в Утопии Уэллса. Фракция Дружелюбие – это земледельцы, аналогичные сословию земледельцев и ремесленников Платона и отчасти касте глупцов Уэллса. Члены фракции Отречение, с одной стороны, пополняют сословие ремесленников, а с другой, становятся политическими лидерами, соответствующими правителям Платона и самураям Уэллса. Точного аналога фракций Бесстрашие и Правдолюбие в бесконфликтной утопии Платона-Уэллса нет; отчасти они сопоставимы со стражами Платона и кинетиками Уэллса. Бесстрашные используются в основном как полицейские, а процесс инициации в Бесстрашие сопоставим с агогэ – системой спартанского воспитания. В постапокалиптическом обществе серии о дивергентах есть также бесфракционники, вытесненные за преде-

лы Утопии Платона, но соотносимые с «низшими» Уэллса, и дивергенты – люди, объединяющие в себе черты нескольких фракций (они считаются опасными и подлежат уничтожению).

Трилогия о дивергентах, однако, есть нечто другое, чем очередная вариация на тему общества будущего по модели Платона-Уэллса. Последняя часть трилогии раскрывает евгеническую программу, частью которой явилось вынужденное деление на фракции. Выясняется, что генетическая инженерия привела к разрушительным последствиям, и для корректировки результатов были созданы изолированные друг от друга социумы, призванные существовать до тех пор, пока «испорченные» гены не «очистятся». Дивергенты, считающиеся опасным отклонением, в действительности являются нормальными, в отличие от тех, кто вел за ними охоту²⁵. Процедуру «генетического исцеления» возглавляет Бюро Генетической Защиты (аналог правительства самураев), которое делит население на высших (генетически чистых) и низших (людей с поврежденными генами). Проблему выхода из генетической ловушки, в которой оказалось челове-

²⁵ Откровением (впрочем, не окончательным) о дивергентах и их роли заканчивается фильм «Инсургент»: «We designed your city as an experiment. We believed it was the only way to recover the humanity we had lost. And we created factions to ensure peace. We believed that there will be those among you who will transcend these factions. These will be the Divergent. They are the true purpose of the experiment. They are vital to humanity's survival» (Insurgent. Movie Script. [Электронный ресурс] http://www.sprngfieldSpringfield.co.uk/movie_script.php?movie=insurgent.

чество, Бюро решает с позиции целесообразности, отдавая предпочтение «высшим» формам и готовое пренебречь интересами и жизнями низших.

Несмотря на то, что при обращении к теме биомоделирования нового человека и построения нового идеального общества, в кинематографе преобладают дистопическая и постапокалиптическая картины мира, намечается тенденция к появлению новых – кинетических – форм утопий, менее социально ориентированных и допускающих изменение, намеченное в «Современной утопии» Уэллса. Фильм «Гаттака» и трилогия о дивергентах Вероники Рот стали первыми шагами в этом направлении. Эксперименты по биомоделированию человека при помощи вивисекции в литературе и кинематографе, как представляется, утратили свою новизну, ушла в прошлое и тема селекции брачных партнеров; фокус внимания переместился на генетическую инженерию в эпоху становления новой евгеники, то есть очередной попытки улучшить генетику человека и тем самым ускорить эволюционный процесс. Социальная проблематика, характерная для «Современной утопии» Уэллса и антиутопии Олдоса Хаксли, в современных моделях общества будущего сменилась проблематикой морально-этической. Постапокалиптическое и фантастическое пространства будущего оказались открытыми не только для проекций ужасов настоящего и опасений за будущее человечества, но и для конструирования идеальных моделей общества, что заставило писателей

и кинематографистов вновь обратиться к утопиям Платона и Уэллса и к эволюционным теориям развития человека и общества.

Экран — приглашение в утопию

Дриккер А.С., Санкт-Петербург, Институт философии, Санкт-Петербургский государственный университет

Появление и распространение утопических картин (платоновского «Государства», «Града Божия» Августина или «Города Солнца» Кампанеллы) – верный признак грядущих тектонических культурных сдвигов. XX-й век с его технологическими, социальными революциями, демографическими взрывами крайне плодovit на утопии. Характерно, что на фоне удивительных цивилизационных достижений утопия трансформируется в антиутопию, дистопию. Благостные картины построения научно-прогрессивного рая в New Age или информационном парадизе общества знания у Тоффлера, Берджесса, Курцвайля²⁶... почему-то вызывают лишь кратковременный интерес. А вот мрачные фантазии Уэллса, Хаксли, Оруэлла, Брэдбери привлекают неослабевающее внимание на протяжении столетия.

Небезынтересно, имеются ли реальные основания, предпосылки тех удивительных перемен, яркие картины которых рисует воображение талантливых авторов? Отыскиваются ли

²⁶ Kurzweil Raymond, род. в 1948 г.; американский изобретатель и футуролог. Примем, ред.

некие общие закономерности в столь разноплановых фантазиях, их «технологическая база»?

Искусство как индикатор

Конечно, можно заключить, что современные трансформации не столь радикальны, а являют естественное равномерное нарастание эволюционного ускорения культуры. Доводов за и против можно отыскать достаточно. Однако самые серьезные аргументы в пользу вероятных культурных катаклизмов или прорывов предъявляет искусство – самый чуткий орган культуры. Хотя признанные авторитеты (теоретики, художники, кураторы...) аргументированно доказывают преемственность актуального изобразительного искусства по отношению к классическому, боюсь, что «нейтральному» наблюдателю, не включенному в контекст, усмотреть связь между работами Уорхолла и Дега, Мондриана и Микеланджело, Кандинского и Джотто будет весьма затруднительно.

Литературных премий в России (в соответствии с общемировой тенденцией) сегодня много больше, чем в Советском Союзе. Но о какой литературе может идти речь, если смерть печатной книги зарегистрирована в отчетах по книгоизданиям и продажам, а среди племени молодого на гуманитарных факультетах найти индивида, который читал «Мадам Бовари» не проще, чем белый гриб в ЦП-КиО. Да что

говорить о литературе, если профессионалы давно обсуждают глубокий кризис кино, самого молодого и мощного искусства XX века. Что же произошло, каковы причины фазового перехода, какова специфика тех грандиозных перемен, которые мы наблюдаем, и тех, которые предрекает стремительный научно-технологический прогресс, искусство, пророки – художники?

Культурное ускорение

Развитие культуры может быть представлено как результат эволюционного замещения простейших реакций длинными рефлекторными дугами. Первичные инстинктивные действия связаны с более древним зрительным восприятием и освоением среды. Вербальный язык появляется (вследствие давления инстинктов) позднее. Актуальное множество «человеческих» условных рефлексов образовалось в процессе грамматического, синтаксического, семантического совершенствования вербального языка, стимулирующего интеллектуально-эмоциональное усложнение. Разум был призван к обслуживанию инстинктов. Используя энергетический потенциал природы, инстинктов для саморазвития, он обрел автономность, которая привела к удивительным культурным свершениям-достижениям.

В Новой эре эти свершения связаны с непрерывным наращиванием скорости передачи вербальной информации. Пик

ускорения приходится на рациональную культуру, которая за счет эффективного кодирования, придавая слову телеграфную, телефонную, световую скорость, разгоняя научное познание (производное от вербального), открывая уже в первой половине XIX века фотографию, создает предпосылки победного марша кино, телевидения, всего последующего технологического наступления. Пробив барьер, отворив русло информационного ускорения, вербальная культура стремительно мчится по этому пути.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.